

Владимир Вишняков

Ресурсы «скрытого Бога». Рецензия на книгу:
М. Хайдеггер: pro et contra, антология. Науч. ред. Ю.М. Романенко;
вступ. статья: Ю.М. Романенко, С.А. Коначева, А.Б. Паткуль, А.Э. Савин,
А.В. Михайловский, Н.А. Артеменко. 2-е изд. СПб.: РХГА, 2020

VLADIMIR VISHNYAKOV

STOCKS OF THE 'HIDDEN GOD'. BOOK REVIEW:

Y. Romanenko et al. (eds.), *M. Heidegger: pro et contra*. 2nd ed. Saint Petersburg: RGAH, 2020 (in Russian)

ABSTRACT. The anthology *M. Heidegger: pro et contra* is a detailed historical collection of lively and engaged responses from Russian researchers to the disturbing thinking of the German philosopher. The articles and fragments presented in the book embrace the first reaction (mainly from a religious and philosophical standpoint) immediately after the publication of the treatise *Being and Time*, the Marxist reception, post-Soviet interpretations and contemporary thematic research. From the most general point of view, changes in the perception of Heidegger's concepts in Russia can be associated with a gradual departure from Platonic optics and a decrease in the influence of religion and ideology. For anyone interested in ancient philosophy, the anthology contains several articles analyzing Heidegger's interpretation of ancient Greek thought. Unfortunately, the Platonic issues are almost lacking in the book, so they can only be approached indirectly, starting from the concepts of Aristotle deconstructed by the German philosopher in the project of hermeneutics of facticity and in his *Being and Time*. Nevertheless, the articles collected in the anthology contain different and original approaches to the study of the connections between Heidegger's thinking and ancient philosophy, focused on the analysis of prereflective human "being-in-the-world", where the profound unity of thinking and language is revealed.

KEYWORDS: Heidegger, Russian philosophy, Plato, Aristotle, ancient philosophy.

Выход в издательстве РХГА сборника «М. Хайдеггер: pro et contra» стал одним из самых заметных событий в жизни российского философского сообщества в минувшем 2020 году. Эту значи-

---

© В.П. Вишняков (Москва). vishnyakov.v.p@gmail.com. Российский государственный гуманитарный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 14.1 (2021)

DOI: 10.25985/Pl.14.1.17

мость только подчеркивает небольшое количество откликов и рецензий на объемный (более 1150 страниц, шесть тематических глав, 65 авторов) том, охватывающий почти столетний период. Можно предположить, что весомый труд просто погрузился в самую глубину российской философской среды, и пока мы увидели только первые волны отдельных реакций. Не вызывает сомнений, что они еще будут.

Книга приглашает узнать, что российская философия поняла в мышлении Хайдеггера. Можно уверенно предположить, что чтение не будет скучным. Хайдеггер является примером мыслителя *sui generis*, книги которого никого не оставляют равнодушными. Напротив, они глубоко затрагивают читателей, оставляя место либо для дальнейшего заинтересованного исследования (даже подражания), либо активной критики (и даже неприятия). Вероятно, причина заключается не столько в «темном» языке и даже не в раскрываемых в работах философа темах, связанных с прояснением оснований бытия и структур жизни. Скорее, само устройство хайдеггеровских текстов сразу же оказывает непосредственное воздействие на читателей, пробиваясь сквозь толщу накопленных мнений, знаний, предубеждений, жизненного опыта, выбивая из-под ног привычную почву и вовлекая в рискованный философский поиск. Взгляд Хайдеггера всегда нацелен на такую область («бытие-в-мире», *In-der-Welt-Sein*), где мы считываем «обнаженные смыслы» реальности (и поэтому сами остаемся не защищенными концепциями о себе), где наши осознанность и ответственность только готовы пробудиться и появиться на свет. Метафорически незащищенную «застигнутость» Хайдеггером можно сравнить с одним из стихотворений русского цикла Рильке: «Вот первый день, и мы вставали / из руки Божья, где мы спали...»¹. Философ эксплицитно не занимает отстраненную позицию, — он почти сразу объявляет об исходных предубеждениях и, часто неудобно малыми шагами (которые он всегда готов сделать еще мельче, чтобы не упустить ни одного изменения

---

¹ Рильке 1971: 418 («Утро»).

смысла!), движается к их прояснению, — и тянет (или даже тащит) за собой читателей.

«М. Хайдеггер: pro et contra» как раз и представляет собой подробное и исторически структурированное собрание таких живых, пристрастных и заинтересованных откликов на беспокоящее мышление немецкого философа, которые стали появляться в России практически сразу после публикации его *opus magnum* «Бытие и время». В исторической перспективе антология представляет взаимодействие ведущих тенденций в русской (позднее советской и постсоветской) философии с мышлением Хайдеггера до и после «поворота».

В книге шесть глав, отражающих исторические периоды российской Хайдеггерианы, а также сформировавшиеся на данный момент тематические рубрики. Собранный в антологии материал охватывает первую реакцию (в основном, с религиозно-философских позиций), затем марксистскую рецепцию, постсоветские интерпретации и современные актуальные исследования. Редакторы заняли благожелательную или, по крайней мере, объективную позицию, включив в сборник работы авторов, представляющих историко-философскую ценность и (даже в случае критического отношения) рассматривающих мышление философа как важную часть мировой культуры. Проблематика вошедших статей и фрагментов охватывает все многогранное творчество Хайдеггера — онтологию и вопрошание о бытии, антропологию, философию языка, природы, техники, деструкцию онтоотеологии, философию политики и «дело» в связи с членством в НСДАП, философию религии и художественного творчества.

В самом общем виде прослеживаемые в книге изменения в восприятии концепций немецкого философа в России можно связать с постепенным отходом от платонической оптики. Изначально решающим мотивом был интерес к онтологической проблематике (у В. Сеземана, Н. Бердяева, С. Франка и др. — см. гл. 1), по-новому сформулированной Хайдеггером. Однако не обошлось без сбивающей с толку омонимии: в России ведущей и

изначальной онтологической темой было вечное бытие, обосновывающее любое конечное сущее; у Хайдеггера, напротив, исходной точкой герменевтического исследования стало принципиально конечное, понимающее себя и мир человеческое существование (*Dasein*) — и предметное поле ограничилось пределами человеческих возможностей (что методологически выражалось в атеистическом «рукоприкладстве в отношении Бога»²). Для русских мыслителей были важны ответы на вопросы об источнике «голоса совести», свободы, о вечности и бытии Бога — и реакцией на «методологический атеизм» Хайдеггера стала характеристика его философии как «безбожного» и «героического нигилизма», «анти-платонической онтологии, упирающейся в ничто». Тем не менее, попытки усмотреть связь с вечностью и интуицию Абсолюта не исчезают окончательно: например, С. Франк после публикации *Holzwege* увидел в мышлении Хайдеггера «выход на волю, к истинному бытию». И едва ли такие попытки когда-нибудь полностью прекратятся, поскольку в глубинной «сущности русского начала заключены сокровища ожидания скрытого Бога, которые превосходят [значение] всех сырьевых запасов»³.

Сложно представить, как бы развивалась аутентичная русская философская рецепция работ Хайдеггера, если бы она не оказалась прерванной масштабными историческими потрясениями 20 века. Драматические социальные изменения, международная изоляция привели к тому, что Хайдеггер стал «фигурой умолчания» в творчестве ярких философов советского периода (таких как Г. Шпет, А. Лосев, М. Бахтин). Составители уделили внимание этому факту отечественной истории идей, так же как и марксистской оценке идей немецкого мыслителя (см. гл. 2). Интересно, что советская интерпретация, подчеркивая значение экзистенциала «настроение» в мышлении Хайдеггера (в статьях Б. Быховского, Э. Соловьева и др.), оказывается близкой современным западным исследованиям. Парадоксальным образом в настоящее время, после новых публикаций «Черных тетрадей», также появляются ста-

² Хайдеггер 2012: 82, прим. 52.

³ GA 96 (2014): 128; цит. по Мотрошилова 2015: 150.

тьи с заголовками, аналогичными ранним советским «Фельдфебелям в Вольтерах», — вероятно, так резонируют волны идеологических противостояний.

Тем не менее, в целом в постсоветское время градус идеологических и религиозных влияний в начале 21 века заметно остыл, что, по мнению редакторов сборника, способствовало более аутентичному, соразмерному и продуктивному прочтению Хайдеггера. В нем не игнорируется принципиальная двойственность наследия мыслителя, где противоречиво соединяются предельное смирение (отрешенность, *Gelassenheit*), допускающее присутствие «ладных вещей», критика растущей власти техники и фактическое блуждание в «чащобах тоталитаризма и человеконенавистничества»⁴. Безусловно, значительное влияние на восприятие философии Хайдеггера в переходный период постсоветской России оказали переводы и книги В. Бибихина, три публикации которого включены в антологию. В частности, предложенная им трактовка темы молчания как захваченности не-потаенностью бытия (ставшей историческим завершением европейского нигилизма) позволяет объяснить разбор «дела» немецкого мыслителя как избегание события мысли. Такую интерпретацию можно рассматривать как продолжение собеседования российской философии с Хайдеггером о вечном бытии, Боге, свободе — то есть обо всех вопросах, «ответом» на которые стало «молчание». Философское (онтологическое) молчание имеет ясный (онтический и архаический) перформативный аспект, легко считываемый в истории западной культуры — как неучастие в массовом идеологическом разборе чужого «дела».

Исследователи античной философии и все, кто ею интересуется, найдут в сборнике несколько статей, анализирующих интерпретацию Хайдеггером древнегреческого мышления (см. гл. 3, 4 и 6). К сожалению, платоническая проблематика в антологии практически не представлена, поэтому к ней можно приблизиться лишь косвенно, окольными путями, отправляясь от деконстру-

---

⁴ Мотрошилова 1991: 50.

ированных немецким философом в проекте герменевтики фактичности и «Бытия и времени» концепций Аристотеля (например, в материалах А. Чернякова и Н. Артеменко), дискуссии об онтологической дифференции (между А. Паткулем и Д. Федчуком), анализа вопроса о технике (см. статьи А. Михайловского), в исследовании раннего христианства (см. статью С. Коначевой), а также в истолковании досократиков (Т. Васильева). Тем не менее, поскольку философия, согласно Хайдеггеру, является возвращением и всякий раз исторически новой актуализацией вопроса о бытии, в рассмотрении им самим «более трудного сущего, нежели то, которое исследовал Платон»⁵, можно заметить знакомые сюжеты и конфигурацию проблем. Собственно, критический разбор истории метафизики и современных концепций часто производился Хайдеггером на основании принятия их собственных исходных позиций — и в итоге приводил к обнаружению методологической или аргументативной непоследовательности (пропущенных или неверных шагов) и отклонению от заявленных целей. В таком контексте хайдеггерианскую деструкцию метафизики можно сопоставить с критикой Платоном поэтов в 3-й книге «Государства». В обоих случаях речь не идет о полном отрицании и отбрасывании содержания, но о критическом преодолении и усвоении сохраняющего свою действительность смысла.

В антологии представлены наиболее концептуально значимые материалы по античной проблематике в творчестве Хайдеггера: выбор для краткого анализа двух из них (см. далее) обусловлен тем, что в них по-разному артикулированы связанные между собой герменевтический и трансцендентальный аспекты в мышлении немецкого философа. Работа Т. Васильевой «Стихослагающая герменевтика» является редким примером конгениального отклика на «артистическую герменевтику» (по выражению самой исследовательницы) Хайдеггера, образцом настоящей *la gaya scienza*, в которой сквозь аполлоническую аргументацию прорывается дионисийская радость от переживания единства языка

---

⁵ Хайдеггер 1998: 158.

и мышления. Вероятно, в этом заключается особая привилегия античных исследований, сохраняющих живую связь с источником, пробудившим западную философскую и культурную традицию. Васильева приглашает читателя включиться в уникальное собеседование с мыслителями прошлого, инициированное Хайдеггером, на примере статьи «Изречение Анаксимандра» из сборника «Тропы в чащобе» (*Holzwege*). Историко-философская концепция немецкого мыслителя не нуждается в «плоских» доказательствах, отвергает авторитет и догму, словарные отсылки, ограничиваясь вещами, находящимися «перед глазами», и следуя глубинному «слуху к Слову». Такое внимающее мышление оказывается чутким к потаенной жизни языка, обнаруживает его фактическую структуру, которая раскрывается в смысловых трансформациях, причиняемых поэтическим порядком («чином») слов. Мысль и поэтический язык не безразличны друг другу, в стихотворных стопах прорывается бытие: слова теснят смыслы, «слагают» (и «вычитают») их, производя новые семантические оттенки. В этой действительности речь возвращается к себе, а ведомая ею философская мысль преобразуется в «стихослагающую герменевтику» — изначальную «пра-поэзию». Поэтому обсуждение Хайдеггером нового перевода известного изречения Анаксимандра развивается не как научная проза, но как поэма — смысл диктуется «теснящей плотностью» слов. Хайдеггер этимологически смело соединяет «поэзию» с «плотностью» (сопоставляя корни глагола *dichten* и прилагательного *dicht*), обнаруживая, что стих сам расставляет слова, выходя из-под власти поэтов. Стихия поэтического слова создает его «внутреннюю форму», ритмично руководит строфой, улавливает мысль, заставляя ее делать шаги. Васильева блестяще иллюстрирует это на примерах из отечественной поэзии.

Выведа на свет «деспотический союз» слова и мысли, Хайдеггер (подобно Платону) вступает в эпическое соревнование с самим Гомером. Он сплетает синонимы и антонимы, «заставляя их выложиться до дна», — чтобы в своей «стихослагающей гер-

меневтике» соединить то, что есть, что грядет и что было изначально. Перед каждым философом стоит задача сказать свое уникальное слова о бытии, о смысле сущего. Для Хайдеггера это переход и промежуток внутри непотаенного, зажатый и теснимый про-исхождением и от-ходом. Сущее есть в со-чинении (*δίκη*), в котором настоящее дает «угоду» (*τίσις*), сообразуется с двояко отсутствующим, но может и выходить в бес-чинство (*ἀδικία*), медля и настаивая на своем. «Пра-поэтический» (и языкотворческий) отход в сторону от устоявшихся смыслов позволяет Хайдеггеру выразить новое понимание: справедливость не является следствием непостижимой «нечестивости» вещей (как в академическом переводе фрагмента), но она изначально соединена (со-чинена и связана) с бытием, даже если вещи от нее отклоняются.

Именно эта единящая, тесная связь должна быть раскрыта в философской, «стихослагающей» речи. Бытие говорит всегда и везде, философия должна не оставлять попыток угадать его тайну в «бесконечном чтении между строк» и уловить «крупницу из никогда не выговариваемого смысла, пронизывающего расщелины его явной структуры»⁶, — но выразить это в слове может только поэзия. В ней слова «сшиваются» не связью вещей, но композиционным ритмом — и это значит, что, хотя «пра-поэзия» подвержена диктату, она, как и ее перевод, не является произвольной. Согласно Васильевой, философская значимость «поэм» Хайдеггера определяется знанием классических языков и очевидным знакомством с филологическими концепциями, оставляющим возможность для академических доказательств. При этом сама Васильева мастерски использует филологический инструментарий, чтобы продемонстрировать онтологическое единство языка и мысли в «онтической» поэзии, проясняющей «темное» и «тяжеловесное» языковое творчество немецкого философа — тем самым он неожиданно свежо звучит по-русски.

Своеобразным контрпримером, где, скорее, «плотное» мышление теснит язык (в своем анализе «архитектоники принципов»

---

⁶ Kisiel 2002: 195.

добираясь до смысла отношений, заключенных в союзах и предложениях), является фрагмент (с. 439) из классической книги А. Чернякова «Онтология времени: Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера». Эти параграфы посвящены экзистенциалу заботы как «наследнику» новоевропейского концепта субъективности. Используя «отрицательную аналогию» между классическими категориями и экзистенциалами, Черняков характеризует заботу как единящий феномен, в котором *Dasein* получает доступ к себе в своем понимающем «бытии-в-мире». Она все еще остается трансцендентальной установкой (хотя и не объектом), первым условием возможности встречи с внутримирным сущим (поэтому само *Dasein* внемирно). Однако способы такого доступа не сводятся к представлению и интенциональному отношению.

В отличие от Гуссерля, тематизирующего способы наличности предметности и очищающего ее от онтических аспектов, Хайдеггер начинает с застигнутого в своем «бытии-в-мире» сущего и движется к условиям его доступности. Изначальное (доинтенциональное) отношение *Dasein* к внутримирному сущему фундировано в озабоченном радении о подручных вещах как «средствах» или «утвари» (*das Zeug*), представляющих собой пучки отсылок. Такая совокупность отсылающих указаний (диктующих и теснящих «повелений»!) «для-того-чтобы» образует целокупность «обстоятельств дела» («круг утвари»), так что бытие вещи определяется не чтойностью, но способностью вовлечь *Dasein* в систему (образующую «горизонт использования») отсылок.

Фундирующим условием этого оказывает факт, что экзистенция как «бытие-в-мире» уже вовлечена в такие отсылающие связи, что выражается в субстантивированных союзах («с-чем» и «при-чем» бытие). Однако целое отсылок сходится к такому изначальному «для-чего», которое существует уже только ради бытия самого *Dasein*, а не чего-то еще (иного внутримирного «при-чем»). Здесь Черняков обнаруживает восходящее к Аристотелю различение действий, имеющих конечную цель (τὸ οὐ

ἔνεκα), «то-ради-чего» (τὸ ᾧ), и предельную, «то-ради-кого» (τὸ οὐ), и оно становится основанием для различения подлинного и неподлинного модусов существования. На этой классической античной дистинкции, проясняющей онтологическую структуру радения (опустошенную от онтических коннотаций), Хайдеггер выстраивает «формальные указания» экзистенциальной аналитики *Dasein*: характеристики «падения», «зов совести», «решимость», «повторение», «выбор героя» и т.д. И это только одно из тех вдохновляющих открытий, которые ждут будущих читателей сборника.

Натиск мышления на дорефлексивную сферу, пытающегося раскрыть ее смысловые структуры и прикоснуться к самому бытию (или, напротив, чуткое внимание поэтическому ритму и утверждающим аллитерациям самого бытия, являющего смысловые структуры), — только одна из возможных стратегий, представленных в сборнике. Книга не только показывает пройденный путь и фиксирует достигнутые результаты, но и приглашает к дальнейшей работе. Перед российским хайдеггероведением открыто широкое поле для исследований и переводов. Хочется выразить надежду, что российские исследователи будут уделять несколько больше внимания сфере онтически-экзистентных коннотаций, не ограничиваясь разбором онтологических формул, извлеченных из нее Хайдеггером. Труды немецкого философа, деконструировавшего метафизику, сами стали предметом философской деструкции: их истолкование должно предлагать новые содержательные интерпретации (*Gehaltssinn*), удерживать открытые им необходимые связи в существовании (*Bezugssinn*) и раскрывать смысл их практического исполнения в различных регионах сущего (*Vollzugssinn*). Если следовать по герменевтическому кругу за мыслью Хайдеггера (то есть двигаться не только «от» или «из», но и обратно — «к» жизни), она уже не будет восприниматься тяжеловесной «бесмыслицей», чья загадка заключается только в вычурном языке, но предстанет по-настоящему близкой, поскольку она тоже «в жизнь от грезы отвлеченной / пугливой воле

кажет путь»⁷. Тогда, спустя очередные 100 лет (будем надеяться, что гораздо раньше), в гипотетическом следующем издании появится еще больше статей, которые сократят дистанцию между сегодняшним днем и мышлением великого немецкого философа, затронув не только специалистов, но и широкий круг читателей. И у будущих поколений обнаружится больше возможностей проверить слова Хайдеггера о «таящихся в глубинах русскости сокровищах ожидания скрытого Бога»⁸.

Литература

- GA = Heidegger's *Gesamtausgabe*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
- Иванов, В.И. (1971), *Собрание сочинений*. Т. 1. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien.
- Мотрошилова, Н.В. (2015), ««Черные тетради» М. Хайдеггера: по следам публикации», *Вопросы философии* 2015.4: 131–162.
- Мотрошилова Н.В. (1991), «Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хайдеггера», in Id. (ред.), *Философия Мартина Хайдеггера и современность. Материалы конференции*, 3–52. М.: «Наука».
- Рильке, Р.М. (1971), *Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи*. М.: «Искусство».
- Хайдеггер, М. (1998), *Прологомены к истории понятия времени*. Пер. Е. Борисова. Томск: «Водолей».
- Хайдеггер, М. (2012), *Феноменологические интерпретации Аристотеля*. Пер. Н.А. Артеменко. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия».
- Kisiel, Th. (2002), *Heidegger's Way of Thought: Critical and Interpretive Signposts*. Edited by A. Denker and M. Heinz. New York; London: Continuum.

---

⁷ Иванов 1971: 556 (из стихотворения «Русский ум»).

⁸ GA 96 (2014): 128.